

Рафаэль Мустафин на съёмках телепрограммы «У зелёного камина».

Фото Альберта Багаутдинова

**В мае он родился, в мае ушёл из жизни.
 В прошлом году ему исполнилось бы восемьдесят.
 Рафаэль Мустафин – это имя широко известно
 не только у нас в стране. Публицист, литературный критик,
 певец героической жизни Мусы Джалиля, лауреат
 Государственной премии РТ им. Г.Тукая,
 Республиканской премии им. М. Джалиля,
 вице-президент Татарского ПЕН-центра...
 Честный, принципиальный, бесстрашный человек,
 он ради правды, истины не страшился терять
 высокие должности или, скажем, красный цвет
 дипломной корочки, будучи ещё совсем молодым
 человеком**

Рафаэль Мустафин

1931–2011

Времена года

Исчезающие млекопитающие

Знаете ли вы, сколько у нас в республике осталось бурых медведей? Составители 1-го издания Красной Книги считали, что постоянно живущих – не более шести-восьми особей. Их берлоги отмечались в Ислейтарском лесу Высокотского района, в Шорском (Арский район) и Сабинском лесных массивах. Ещё один медведь с 1985 года жил в Кляушском лесничестве (Мамадышский район).

Иногда (очень редко) случались встречи с медведями, заходящими в наши северные леса из Марий Эл и Кировской области. Мишек косолапых можно было пересчитать по пальцам. Благодаря запрету на охоту и борьбе с браконьерством с 1995 года численность бурых медведей в Татарстане увеличилась примерно в четыре раза и в настоящее время достигает тридцати особей. Из них около десятка зверей обитают в Сабинском и Кукморском районах.

А ведь в источниках XIX века постоянно пишется о встречах с «хозяином леса» – самым крупным из наших хищников. Вплоть до конца XIX века они водились практически в каждом крупном лесном массиве Казанской губернии. Медведь легко приручается, разводится даже в неволе, и хотя критический рубеж пройден, спасти его ещё можно. Для этого надо хотя бы несколько лесов объявить заказниками и дать возможность мишкам жить спокойно, не тревожить и не охотиться на них.

Все, конечно, слышали о нежном и красивом горностаевом мехе, хотя мало кому довелось видеть этот мех, а тем более носить изделия из него. В своё время зимний горностаевый мех – белоснежный, с чёрным кончиком хвоста, шёл почти исключительно на подбой мантии царствующих особ. Но горностаев славен не только своим царственным мехом, но и тем, что это очень полез-

ный зверёк, уничтожающий массу вредных грызунов. Древняя Булгария, а затем Казанское ханство служили главными поставщиками горностаевого меха на мировые рынки. Промысел горностаев продолжался вплоть до начала тридцатых годов XX века. Ещё в советские годы его добывали от четырёх до четырнадцати тысяч шкурок в год. В начале шестидесятых годов браконьеры отстреливали до ста зверьков горностаев в год. Последние зверьки добыты уже в восьмидесятые годы.

Печальная статистика!

Сам собой горностаев уже не возродится. Его можно разводить только искусственно и выпускать в подходящие для него места обитания, в основном – по берегам рек. Найдётся ли такой энтузиаст, который возьмётся за разведение и реакклиматизацию горностаев?

Зверёк осторожный, с норомом. Дело это непростое, хлопотное. Но вполне возможное. Так, в нашей республике удалось спасти популяции сурков, некогда обитавших в степной зоне повсеместно. Их выпустили в семи районах, организовали охрану. В четырёх местах сурки прижились и начали размножаться. Сегодня в Азнакаевском районе насчитывается 31 колония сурков. В Лениногорском – восемь, в Бавлинском – пять колоний. Делаются попытки искусственно разводить новый для наших мест подвид белки – белку-телеутку. От обычной рыжей белки она отличается более красивым голубоватым (почти горностаевым!) мехом и большей пластичностью. Если рыжая белка может устраивать гнёзда только в дуплах деревьев (а таких деревьев становится всё меньше), то телеутка, как птица, может вить гнёзда среди веток. Телеуток привезли с Алтая и выпустили в 1949 году 202 зверька, в 1952 году – 155 и в 1953 году – 82.

С тех пор они живут у нас и успешно размножаются.

В Красную Книгу попал ещё один,

прежде распространённый, а ныне почти исчезнувший вид белки – белка-летяга. Благодаря складкам кожи по бокам голубовато-серого тельца она может совершать планирующий полёт, перелетать с дерева на дерево или садиться на землю на расстоянии нескольких десятков метров. В случае опасности или с целью отвлечь занятое кем-то дупло она выбрасывает вонючую струйку с резким, неприятным запахом. Но по мере вырубки перестойных лесов с дуплистыми деревьями летяга почти полностью исчезла. Остались лишь единичные экземпляры.

Как свидетельствует Красная Книга, среди млекопитающих прежде всего страдают объекты пушного промысла. Так, на всю республику осталось не более 15–20 особей выдры. Её перебили охотники ещё в XIX веке. Отрицательно сказывается также выпас скота по берегам рек, загрязнение водоёмов, вырубка прибрежных лесов и кустарников.

Когда-то у нас повсеместно водилась норка европейская. До тридцатых годов её заготавливали в количестве до трёх тысяч шкурок в год. Затем промысел начал сокращаться, но не прекратился полностью. Последнюю норку в нашей республике убили в 1965 году в Бугульминском районе. В семидесятые-восьмидесятые годы попадались единичные экземпляры, видимо, забредшие из других областей и республик. Последние же десять лет она не встречалась ни разу. Та норка, которую разводят искусственно и которая иногда встречается и на воле, относится к другому подвиду – это норка американская.

В изобилии водился у нас и очень древний зверёк, которого биологи называют живым ископаемым. Это – выхухоль. Вплоть до начала XX века он обитал по всей республике от Казанки до реки Сюнь. Благодаря своему необычайно ценному меху, выхухоль всегда был предметом интенсивного промысла. Последняя встреча с выхухолью произошла в 1982–1983-м годах близ озера Затон в Буинском районе. С тех

пор этого ценного зверя никто не видел. Выхухоль включен в Красную Книгу, как исчезнувший вид.

В Красную Книгу внесены и некогда обычные для наших мест бурундуки (мало кто может похвастаться, что видел этого симпатичного полосатого зверька), некоторые виды сусликов, хорьков, хомяков.

Почти полностью исчезли прежде широко распространённые летучие мыши (среди них встречались даже такие редкие виды, как нетопырь лесной и нетопырь-карлик). Лесной ёжик ещё довольно обычен, а вот ёж ушастый, обитающий в степной зоне, попал в число редких и исчезающих. Единичные экземпляры этого безобидного и очень полезного зверька ещё встречаются в Дрожжановском, Буинском и Апастовском районах. Основная причина – распашка степей и неумеренное употребление пестицидов. Как отмечают составители Красной Книги, даже биология этого зверька как следует не изучена.

Полностью вымерли соболь (до XVI века он был предметом интенсивного охотничьего промысла – последнего соболя видели в начале XX века в Черемшанском лесу), россомаха (исчезла к началу XX века), северный олень (до XIX века он водился в Закамье; последнего оленя видели в 1920 году в Мамадышском кантоне) и другие звери. Они включены уже не в Красную – Чёрную Книгу.

Вымирают звери, исчезают целые виды и семейства. Если до начала активного антропогенного воздействия один вид вымирал в среднем за сто лет (по естественным причинам), в период с 1600 по 1950-е годы – один вид в десять лет, то в настоящее время вид животных вымирает за год, то есть скорость исчезновения видов возросла как минимум в сто раз. Идёт непрерывное истощение генофонда нашей планеты. Под угрозой оказалось то фундаментальное равновесие, которое установилось в биосфере за многие века и тысячелетия её существования.

**В царстве пернатых
Грачи-жулики**

126

Как-то мне повезло: грачи поселились на ветках старых вётел прямо под окнами той комнаты на пятом этаже, где я в то время работал. Это дало мне возможность понаблюдать за их повадками. У меня перед глазами мельтешили десятки птиц – чёрных, горластых, немного отощавших после перелёта, но тем не менее очень деловитых. Потребовалось несколько часов, пока я стал различать птиц по повадкам и обличью. Вот одна пара хлопочет на расстоянии каких-нибудь двух-трёх метров от окна.

Крупный грач с белым основанием клюва, на котором видны остатки обломанных перьев (видимо, самец) и более стройная самочка с чёрным продолговатым клювом и модными «панталончиками» из перьев, спадающими на лапки. Другим было проще – они обжиwali старые гнёзда, выкидывали мусор – палые листья и всякое гнильё, подновляли. А мои знакомцы решили строить новое. Облюбовали прочную развилку возле несущего ствола. Смешно потёрлись клювами, словно поцеловались. Затем самочка осталась сторожить место (охотников на это место было немало, они прилетали один за другим, но она тут же прогоняла их), а «супруг» улетел за стройматериалами. Вскоре он вернулся с веткой в клюве. Самочка взяла у него ветку, деловито обследовала, попробовала согнуть, упираясь лапками в один конец, потом решительным движением выкинула. Так повторялось пять или шесть раз. Наконец самочка, испробовав очередную ветку на гибкость и прочность, взяла её за один конец и принялась просовывать в развилку. «Хозяин» помогал ей с другого конца. Дело это непростое, надо было закрепить ветку так, чтобы она держалась прочно на трёх точках опоры. Чтобы закрепить одну ветку, им потребовалось минут пятнадцать. Потом дело пошло веселее. Но всё равно они не просто клали ветку, а тщательно переплетали её, просовывая конец

между опорными ветками, как будто плетень плели.

Вот опять самочка забраковала несколько принесённых «супругом» веток. Потом сама принесла кусок проволоки в синей полиэтиленовой оболочке и тщательно перевила этой проволокой гнездо по периметру. Да, такое гнездо никакой ветер не skinет, хотя на первый взгляд оно и кажется кучей кое-как набросанных веток.

Но что это? Когда гнездо было почти готово (на третий день наблюдений), грач вдруг принялся выдёргивать прочно переплетённые каркасные ветки. Сначала синюю проволоку, потом другие ветки. Чем они ему не понравились? Выдернет, но не бросает на землю, а перелетает с ней на другое дерево, где, похоже, строит новое гнездо. Постой, постой! Да это же не мой грач, а другой – такой же крупный, белоклювый, только более растрёпанный, без металлического сине-фиолетового отлива на перьях. И движения какие-то пугливые, вороватые. Да он же ворует строительный материал! Вот разбойник!

До этого мне и в голову не приходило, что у грачей тоже могут быть свои жулики. Если так пойдёт дальше, он оставит моих знакомых без гнезда.

Прилетели хозяева. Неужели не заметят? Заметили! Тревожно каркают, сердито переговариваются, не скрывают возмущения. Посовещавшись, решают не оставлять больше гнездо без присмотра.

Самочка хлопочет около гнезда, что-то поправляет, постукивает клювом по веткам, даже если в этом и нет особой необходимости. А самец таскает новые ветки, которые затем они вдвоём старательно переплетают. Под конец грач стал таскать кусочки глины, которыми они замазывали щели, затем травинки, комочки шерсти и пуха. И вот уже самочка начала кладку. Мне удалось увидеть пару серовато-зеленоватых яиц в коричневую крапинку. Наверное, были и ещё, но самочка, слетая с гнезда, заботливо прикрывала их свалявшейся шерстью, как тёплым одеяльцем.

Позднее я рассказал о своих наблюдениях знакомому орнитологу.

Неужели и птицы воруют? Что это, исключение или такое случилось наблюдать и раньше? Он ответил, что случай этот вовсе не исключителен, такое не раз наблюдали и раньше. Воруют и грачи, и вороны, и воробьи, и особенно сороки. Про их воровские повадки слышаны все. Тащат к себе в гнездо и серебряные ложки, и часы, и монетки. Воруют и друг у друга – стоит только хозяйке покинуть гнездо.

Зимы и кошек не боятся

Грач – птица из семейства вороновых. Считается перелётной, но в последние годы всё больше грачей остаётся зимовать в окрестностях Казани. Обычно они присоединяются к многотысячным стаям галок и ворон и вместе с ними летают на места кормёжек, преимущественно на городские свалки.

Орнитологи установили, что зимние грачи – не местные. Они прилетают к нам с востока и севера. Когда возвращаются «наши» грачи, гости улетают в места, где гнездятся.

Кладка у грачей небольшая – всего три-пять яиц. Самка насиживает их от 17 до 19 суток, и всё это время самец исправно таскает ей пищу. Птенцов кормят оба родителя в течение месяца, иногда на несколько дней больше. Пищу таскают в зобу и отрыгивают её птенцам полупереваренной. Иногда срыгивают пищу и на землю, поэтому всё пространство вокруг грачиной колонии бывает загажено так называемым погадком.

Грач – очень полезная птица. Он спасает посевы от злейшего вредителя – проволочника. Охотно поедает личинок майского жука, не брезгует и самими жуками. Наряду с насекомыми, грачи отлавливают и немалое количество мышевидных грызунов – тоже злостных вредителей.

Грачи селятся колониями по несколько десятков на одном дереве. Ходят по земле неторопливо, важно, враз-

валочку. Городские грачи очень осторожны, но при этом умеют различать людей.

Скажем, если приближается старушка с клюкой или женщина с ребёнком, они спокойно остаются на месте. А если завидят шустрых подростков, мальчишек, способных ни с того ни с сего запустить камнем, заблаговременно снимаются с места и садятся на верхние ветки. Так же поступают и при приближении собак. А вот кошек ничуть не боятся и могут даже копать вместе с ними на помойке.

Лирические миниатюры Миг весны

После затяжных холодов, метелей и стылых ветров наступил ясный тихий день. Редкие перья облаков не закрывают солнца, а лишь подчёркивают его яркость, и оно сияет, как новенький юбилейный рубль. И заметно пригревает спину, хотя утренний мороз ещё висит над низиной полупрозрачной дымкой и обжигает щёки.

Мы с женой идём на лыжах, наслаждаясь чудесной погодой и отличным скольжением. На крутых взлобках холмов, цепью тянувшихся вдоль Казанки, ещё не появились проплешины, вокруг комлей не подтаяли круги. И всё же в воздухе чувствуется что-то весеннее.

Может быть, в том, как лиловеют под солнцем вершины берёз?

Или в том, как тепло зеленеют замшевые стволы осин, подёрнутых сизыми пятнами лишайников?

Первыми этот весенний настрой почували птицы. Стрекохут сороки. Мелодично тренькают синицы. И вороны слишком уж оживлённо кружатся над деревьями. Галдят, ссорятся, то и дело перелетают с места на место.

Входим в заросли прибрежного краснотала. И тут жена обращает внимание на едва уловимое потрескивание. Звук до того слабый, что мы затаили дыхание, боясь скрипнуть лыжей. Словно кто-то шуршит пергаментной бумагой...

Долго мы не могли отыскать источник этого странного звука.

И только заметив глянцевые коричневатые чешуйки, падающие с куста вербы, догадались, в чём дело. Оказывается, мы застали тот миг весны, когда постреливали, раскрываясь, почки вербы и на глазах рождались пушистые цыплятки.

Огнебогое солнце

Лес взбодрён утренним свежим морозцем. Не слышно сварливых ворон, которые всего несколько дней назад суматошно галдели и кружились над деревьями. Видимо, сели на гнёзда.

Снег лежит ещё плотно. Лишь по краям дорог начал ноздреватиться и покрываться слюдянистой коркой, да вокруг стволов на опушке оттаяли глубокие круги.

Цвет берёз на фоне снега – не белый, а розовато-матовый, как топлёное молоко. Сок под их атласной кожей ещё не проснулся.

Срываю замёрзшую почку, растираю меж пальцев. Она слабо пахнет морозом и деревенской баней. В ней, как невидимая пружина, скручена будущая жизнь, таится неизбежность лета.

В затишке на южном склоне пригрелась под лучами солнца раскидистая сосна. С её зеленых, пригнутых к земле под тяжестью снега лап свисают сверкающие сосульки. В одном месте они слились в ледяной каскад – хрустальный дворец Берендеева царства. Когда смотришь сквозь него на солнце, лучи переливаются всеми цветами радуги и полыхают так, что кажется – вот-вот заснеженная лапа вспыхнет, загорится. И невольно вспоминаешь древнее выражение – огнебогое солнце.

Позимок

Встретив это слово в словаре Даля, я поразился его точности.

Жаль, что в современном языке –

не только разговорном, но и литературном – оно почти не употребляется.

...Весна пришла, казалось, насовсем – с сырыми туманами, подьедающими снег, дождями и мокрыми метелями. Пасмурная погода чередовалась с тёплыми солнечными днями, когда всю греет солнце и весёлые ручьи бегут вдоль трамвайных рельсов. С крыш сбрасывают мокрый снег, и он гулко взрывается, ударяясь о тротуары. Кандидаты и доктора наук из расположенного по соседству НИИ скалывают грязный лёд и забрасывают его на проезжую часть, где он быстро перегорает под колёсами машин.

В парках и скверах пахнет тополиными почками, а на улицах, как первые весенние цветы, пестреют демисезонные пальто и яркие шляпки.

И вдруг – резко и неожиданно похолодало. Замёрзли лужи, застыли ручьи. Из низких, белёсых, как густая побелка, туч посыпался колючий снег. Заработали снегоочистительные машины. Зашаркали под окнами скребки дворников. Весенняя стужа особенно неприятна своим неуютом, промозглой сыростью. Пришлось снова доставать тёплые пальто и shoes.

Это и есть позимок – последний злобный приступ отступающей зимы.

Запах смородины

Над тёмными, отсыревшими за зиму дачными домиками висит серый холодный туман. Сыро и зябко, как в остывшей бане. И всё же природа берёт своё. Тренькают где-то в красноватых, лоснящихся от сырости ветвях яблонь невидимые синички. Суматошно галдят, перепархивая с места на место, неутомные воробьи. Пока горожане клянут сырость, слякоть и ждут не дождутся тёплого солнышка, туман и мелкая морось незаметно, но неотвратимо едят снег. Ещё на прошлой неделе сугробы стояли выше штакетника, а нынче снег лежит тонким жидким слоем. Кое-где

открылись первые проплешины, запахло оттаявшей землёй.

В саду всегда найдётся работа. Я подхожу к завязанным островерхими конусами кустам смородины, перерезаю бечёвку, помогаю кустам распрямиться, разгребаю сапогом кучку зернистого, тяжёлого, как дробь, снега. В нос ударяет острый, настоявшийся запах смородины. Живой, волнующе-тёплый... Видать, копился всю зиму и наконец вышел на волю. От него слегка кружится голова и становится кисло во рту.

Бабочка на снегу

Иду на лыжах по скованному мартовским утренником насту.

Сухой рассыпчатый снег даёт идеальное скольжение. Спешу накататься, пока солнце не поднялось выше и снег не набряк влагой.

Пухлые желтоватые «цыплятки» вербы-бредины пылят золотистой пылью. Приствольные снежные круги оттаяли отвесно до самой земли (значит, и весна нынче будет крутая, дружная).

В низине лежит лёгкая голубоватая дымка. Слышится весёлое треньканье переживших зиму синиц.

Выйдя на прогретую солнцем опушку, замечаю жёлтое порхание. Что это? Неужели бабочка? Лимонно-жёлтая, лёгкая, как вздох весеннего ветра, она опустилась на край льдистого заструга и, развернув крылья-локаторы на солнце, грелась.

Позднее, заглянув в справочники, я узнал, что это была крушинница. Её иногда ошибочно называют лимонницей или капустницей, хотя к огородам она не имеет никакого отношения. Живёт в лесной чаще, откладывает яички на листьях крушины. Ими и питаются её гусеницы. Поздние бабочки с наступлением холодов прячутся под опавшими листьями и зимуют под снегом. Промерзают насквозь – их крохотные, размером чуть больше песчинки сердечки перестают биться. Но с наступлением тёплых весенних дней «трупники» оживают и пускаются в полёт. Если вам повезёт увидеть бабочку на снегу – не удивляйтесь. Порадуйтесь этому крохотному чуду природы.

Верность духу Джалиля

послесловие

Первая встреча с Рафаэлем Мустафиным врезалась в мою память, будто это произошло только вчера. Весной 1967 года я послал в Московский литературный институт им. М. Горького на творческий конкурс свои стихи. Конкурс был большой – свыше двухсот человек на место, и надежда, что пройду через это сито, была ничтожной. Какова же была моя радость, когда из Москвы пришло известие, что я выдержал конкурс и в начале августа должен ехать в столицу сдавать вступительные экзамены. От такой новости у меня вскружилась голова, и я даже перестал ходить на лекции в Казанский государственный университет, где заканчивал второй курс. Дескать, зачем учиться на отделении журналистики университета, когда ждут тебя в Литературном институте самой Москвы. Мечта же моя не журналистом стать, а поэтом.

Чувствовал себя необыкновенно окрылённым, выбрал лучшие свои стихи и понёс их в редакцию журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). Заведующий отделом поэзии Нури Арслан, поправляя свою седую гриву, пробежал глазами по моей рукописи и, взяв меня, как школьника, за руку, повёл к главному редактору